

ФИЛОЛОГИЯ И ЛИНГВИСТИКА

Кожемякова Екатерина Аркадьевна

канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка как иностранного
Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова
г. Чебоксары, Чувашская Республика

СПЕЦИФИКА СЕМАНТИКИ ДРЕВНИХ ПРАФОРМ, РАЗВИВАЮЩИХ ЗНАЧЕНИЕ КРАСНОГО И ЧЕРНОГО ЦВЕТОВОГО ТОНА В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: в статье описываются особенности семантики индоевропейских праформ, развивающих значение красного и черного цвета в общеславянском и древнерусском языке, восстанавливается их семантическая структура и объясняется семантическая близость в диахроническом аспекте.

Ключевые слова: цветообозначения, этимология, семантика, индоевропейские языки, компонентный анализ.

Эволюция семантики цветообозначений в диахроническом аспекте – предмет пристального внимания лингвистов. В истории названий цвета есть явления, которые сложно объяснить с современной точки зрения. Так, близость семантики праформ, развивающих значение черного и красного цветового тона, трудно объяснима без системного описания специфических черт семантики индоевропейских цветообозначений в целом. Эти черты связаны с древними особенностями восприятия и отражения в языке понятия цвета.

Первая особенность индоевропейских основ, развивших цветовое значение в общеславянском и древнерусском языке, состоит в том, что внутренняя форма большей их части связана со светом. Индоевропейские базы, которые восстанавливаются для некоторых цветообозначений, обозначают свечение, блеск, сияние. Так, корень **bhā-: *bhē-: *bhō: *bhə* имел значение ‘светить, сиять, блестеть’ [9, с. 41] (ср. связанные со светом значения соответствий др.-инд. *bhāti* ‘сияет, светит’; др.-англ. *bāēl* ‘пламя’ [8, т. I, с. 84]; др.-исл. *bál* ‘пламя’, ‘огонь’ [7, т. I, с. 149]. Его

вилоизменениями являются и.-е. база **bhel-* (> о.-с. **bēlъ* > др.-рус. *бѣль*) ‘быть светлым, блестеть, сиять’ [4, с. 87] и и.-е. основа **bher-* (> о.-с. **bronъ* > др.-рус. бронь) ‘быть ярким, сиять’ [4, с. 87], которая «интерпретируется исследователями как параллельная и.-е. **bhel-*» [3, с. 105]. Опосредованно можно установить происхождение от этого же корня и и.-е. базы **bhlēi-* (> о.-с. **blēdъ* > др.-рус. блѣдъ) - 'блестеть' [7, т. I, с. 93] (нулевая огласовка **bhl-* [4, с. 86]). К и.-е. корню **(s)ki-:*(s)kei-* ‘блестеть, мерцать’ [8, т. II, с. 163-166], ‘мерцать затенять’ [4, с. 88] ‘слабо светить, мерцать’ [1, с. 115] восходят о.-с. **sinjъ* (> др.-рус. синь), **sivъ* (> др.-рус. сивь), **sēgъ* (> др.-рус. сѣръ), **sēdъ* (> др.-рус. сѣдъ). Одно из значений индоевропейской базы **g'hel-:ghel-:ghol-* (> о.-с. **zelenъ* > др.-рус. зеленъ, **žyltъ* > др.-рус. жылть, **golQbъjъ* > др.-рус. голубыи) - ‘блестящий, сверкающий’ (ср. др.-ирл. *gel* ‘сияющий, сверкающий’) [8, т. I, с. 202]. Таким образом, в значении данных основ выделяется компонент ‘сияющийся’, а понятие о цвете изначально тесно связано с понятием о свете, светимости.

С другой стороны, семантика соответствий в различных индоевропейских языках позволяет выделить компонент значения ‘несияющийся’ у и.-е. корня **pol-, *pel-, *pal- > *poluo-* (> о.-с. **polvъ* > др.-рус. половой). Наличие этого компонента служит подтверждением значимости оппозиции «блестящий» /«тусклый» (т. е. ‘без света’ и ‘без блеска’) как аналога оппозиции «день»/«ночь» [2, с. 232] для семантики праформ, развивающих цветовое значение. Анализ основы **bher-* показал, что ‘сияющийся’ представлялся не только очень светлый, но и насыщенный цвет ‘нарастающей интенсивности’ (ср. диал. бронеть ‘спеть, наливаться’). Праформа **poluo-* же называет оттенки недостаточно насыщенные и недостаточно светлые, чтобы ‘сияться’. Она обозначает цвет ‘теряющий интенсивность’ и насыщенность светлого цвета.

Вторая особенность индоевропейских праформ цветообозначений в том, что одним названием объединяются цвета различных тонов: оттенки сине-фиолетовой части спектра, темно-серый и, возможно, любые другие темные оттенки – формой **ski-n-jo*, оттенки желто-зелено-голубой части спектра и светло-серый – основой **g'hel-:ghel-:ghol-*, синкетичный по тону цвет называют и **bher-*,

*poluo-. Таким образом, цветовой тон не является главным компонентом в значении большинства индоевропейских цветообозначений.

Особняком в описанной системе стоят основы *krs-no- (> о.-с. *сыгъ > др.-рус. чырнъ) и *rudh-: *reudh-: *roudh- (> о.-с. *rudъ > др.-рус. рудъ, о.-с. *rusъ > др.-рус. русъ, о.-с. *ruměnъ > др.-рус. румънъ, о.-с. *rydів > др.-рус. рыжъ, о.-с. *rъdrъ > др.-рус. ръдръ), развивающие, соответственно, значение черного и красного цвета. Близость семантики данных основ проявляется уже в том, что в их значении нет компонентов и признаков, связанных со светом. Основа *rudh-: *reudh-: *roudh- в качестве компонента значения имеет только цветовой тон, хотя и не совсем дифференцированный ‘красный, рыжий, коричневый’. Только основу *rudh-: *reudh-: *roudh- можно считать самым древним собственно цветообозначением, сохранившимся во многих индоевропейских языках (ср. значения соответствий из и.-е. языков: лит. *raūdas* ‘красный’, ‘буланый’ [7, т. III, с. 513], ‘красноватый’, ‘бурый’, *raudónas* – ‘красный’, *rūdas* ‘рыжий’, ‘бурый’; лтш. *raūds* ‘красный, коричневый’, *ruds* ‘красно-бурый’, ‘рыжий’; др.-в.-нем. *rōt* (совр. нем. *rot*) ‘красный’, ‘рыжий’; готск. *rauþs* ‘красный’, ‘рыжий’; лат. *rubidus*, *rubeus* ‘красный’; греч. *ερεύνω* ‘делаю красным, багровым’; др.-инд. *rohita-h* ‘красный, красноватый’ [7, т. II, с. 101, 126], и др.).

Форма *krs-no (> о.-с. *сыгъ > др.-рус. чырнъ) – архаическое цветообозначение со значением ‘черный’ [11, т. 4, с. 156], однако, на наш взгляд, оно мотивировано значением основы *ker(s)- ‘грязный’ [6, с. 1209], то есть в значении и.-е. *kīrsno- выделяется сема ‘грязный’. Подтверждает это обозначение черного в общегерманском: *swartaz* возводится к и.-е. *swordo-s ‘черный, грязный’ [3, с. 116]. Таким образом, поверхность предмета, признак которой называют праформы цветообозначений красного и черного цвета, уже не воспринимается как светящаяся, значения же этих основ имеют сему ‘несветящийся’.

Праформа обозначения черного цвета *kīrs-no имеет сему ‘несветящийся’, поскольку называет цвет очень темный, необязательно цвет угля или сажи, то есть черный в современном смысле слова. Сложнее объяснить отсутствие светимости у праформы названий оттенков красного цвета. Можно предположить, что

насыщенное ‘красное’ не воспринималось как ‘сияющееся’ по причине особенности человеческого восприятия красного цвета в сравнении с синим, называемой в цветоведении эффектом Пуркинье: «при значительном ослаблении света ... синие ... цвета выигрывают в яркости по сравнению с красными... Днем, при ярком солнечном свете, мак кажется ярче василька. Но в сумерки и ночью соотношение яркостей меняется: мак кажется почти черным, а василек - светло-серым» [9, с. 101-102].

Поскольку изменчивость окраски имела значение для восприятия цвета в древности, важным являлось и ее изменение при ослаблении освещенности. Светимость поверхности проявляется именно в полутиме, когда белый действительно будет светиться; бледный - почти так же светиться, как белый; желтые, зеленые, голубые предметы будут светлыми; синие, фиолетовые, темно-зеленые - темными, но еще видными, отличными от темноты, еще светящимися. Красные и черные в темноте воспринимаются почти одинаково - очень темными, практически невидимыми, то есть несветящимися.

Изначальная семантическая близость названий красного и черного цветов подтверждается этимологией названий ягод *малина* и *черешня*. Современному человеку они представляются красными (хотя и разных оттенков). Однако название малины происходит от индоевропейской основы *mel-: *mal- ‘темный, черный, грязный’, название черешни - от того же корня, что цветообозначение *черный* - *ker(s)-. Сопоставление и.-е. корней *mel- и *ker(s)- и некоторые параллели к последнему из разных языков со значением ‘нечисто окрашенный’ позволяют предположить наличие в семантике праформы *kirsno- семы ‘грязный’. Как вероятностную эту сему можно включить и в значение основы *rudh-... Не случайно ее производные в дальнейшем будут называть нечистые оттенки красного, а *руда* в некоторых русских говорах значит ‘грязь’.

Таким образом, древние праформы, развивающие значение красного и черного тона в древнерусском языке, семантически близки. Эта близость проявляется не в том, что они обозначали оттенки одинакового цветового тона, она связана с возможностью выделения в их значении компонентов ‘несветящийся’ и

‘грязный’. Сходным было зрительное впечатление, создаваемое в глазу поверхностями, которые можно было бы охарактеризовать данными потенциальными цветообозначениями, что еще раз подтверждает существование отличий в древнем и современном восприятии такого признака поверхности предмета, как цвет.

Список литературы

1. Бочкарева, Т.В. Система цветообозначений в древнеанглийском языке [Текст] / Т.В. Бочкарева // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. – М., 2007. – С. 112-126.
2. Вежбицкая, А. Обозначения цвета и универсалии зрительного восприятия [Текст] / А. Вежбицкая // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. - М., 1996. – С. 231-291.
3. Ганина, Н.А. Система цветообозначений в готском языке и восточнонемецком ареале [Текст] / Н.А.Ганина // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. – М., 2007. – С. 101-112.
4. Ганина, Н.А. Система цветообозначений в древневерхненемецком и древнесаксонском языках [Текст] / Н.А.Ганина // Наименования цвета в индоевропейских языках: Системный и исторический анализ. – М., 2007. – С. 83-101.
5. Норманская, Ю.В. Генезис и развитие систем цветообозначений в древних индоевропейских языках [Текст] /Ю.В.Норманская. – М., 2005. – 400 с.
6. Преображенский, А.Г. Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 2 т. / А.Г. Преображенский. – М., 1958.
7. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка [Текст]: в 4 т. / М. Фасмер. – М., 1987.
8. Черных, П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка [Текст]: в 2 т. / П.Я. Черных. – М., 1994.
9. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка [Текст] / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская. – М., 1971. – 542 с.
10. Шаронов, В.В. Свет и цвет [Текст] / В.В. Шаронов. – М., 1961. – 312 с.
11. Этимологический словарь славянских языков (Праславянский лексический фонд) [Текст] / под ред. О.Н.Трубачева. – М., 1974.